

АРТУР БОГДАНОВ

**БАНДЫ
ДЗЕРЖИНСКА**
Уличные войны

18+

Артур Богданов

**Банды Дзержинска.
Уличные войны**

«Автор»

2026

Богданов А.

Банды Дзержинска. Уличные войны / А. Богданов — «Автор», 2026

Промышленный Дзержинск, 90-е. Воздух пропитан химией и криминалом. Артур возвращается из школы — трое пацанов снимают с его руки отцовские часы Casio. Прохожие проходят мимо. Дома — пьющий отец. Он «бык». Тот, кого можно унижить, потому что он один. Чтобы выжить, Артур вступает в группировку «Старая правда». Получает погоняло Злой. Находит братство, любовь и войну с другой стаей. Но улица не прощает слабости. И плата за силу выше, чем он думал. «Меня звали Злой. И это моя правда».

© Богданов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
Предисловие	6
Пролог. Бык	7
Глава 1. Банды Дзержинска. Законы улиц	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Банды Дзержинска. Уличные войны

Дисклеймер

Перед вами художественное произведение. Все имена, фамилии, клички, а также описанные события и диалоги, за исключением исторического контекста и названий общественных мест (улиц, районов, учреждений), являются вымышленными или собирательными.

Некоторые сцены, включая эпизоды насилия и гибели персонажей, представляют собой художественный вымысел и не имеют отношения к реальным событиям или конкретным лицам.

Автор не ставил целью оскорбить чьи-либо чувства или обнародовать сведения о частной жизни. Любые совпадения с реальными людьми, живущими или умершими, следует считать случайными.

Книга не является документальным свидетельством или историческим исследованием. Это попытка художественного осмысления времени, через которое прошло поколение 1990-х.

Предисловие

Эта книга — для простых пацанов, что прошли сквозь лихое, смутное время девяностых.

Путь был трудным, — и сейчас это понимаешь особенно ясно — но по-своему счастливым. Ведь когда тебе всерьёз грозит смерть — не абстрактная, а самая что ни на есть реальная, от которой пахнет дешёвым табаком и холодным металлом, — жизнь обретает невероятную чёткость. Она течёт не просто «полной жизнью» — она бьётся неровным, частым пульсом, становясь острее и ярче от осознания хрупкости собственного существования.

Пролог. Бык

Посвящается тем, кто любил без остатка,
дрался за честь, горел и угасал в суровых 90-х.

— Эй, парнишка! Стой.

Фраза догнала меня в спину, холодная и не сулящая ничего хорошего. Я обернулся. Из арки дома №14 по проспекту Дзержинского не торопясь выходили трое. Тот, что постарше — года на два, не больше, — шёл первым, лениво перебирая чётки. Двое других держались по бокам, ровесники или даже мельче. Май 1994-го, солнце жарило всю, но от вида этой троицы по спине пробежал холодок.

— Откуда будешь? — старший остановился в шаге, чётки в его пальцах щёлкали ритмично, как метроном.

Кепка-фергана, спортивные штаны с лампасами, ветровка нараспашку. Все трое стрижены под полубокс, взгляды цепкие, оценивающие — так смотрят на вещь, прикидывая, сколько за неё можно выручить.

— Ниоткуда, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Старший шагнул вплотную, его приятели без слов взяли меня в клещи. Путь к отступлению отрезан. «НАТОВские», — мелькнуло в голове. «Попал».

— Слышь, давай во двор отойдём, — он прищурился, и чётки застыли, зажатые в кулак. — Поговорить надо.

— Можно и здесь, — я дёрнул подбородком, оглядываясь. Взгляд упёрся в прохожего — мужик с пакетом, глаза в пол, шаг ускорил.

— Э, бык! Ты чё, глухой? — справа затараторил мелкий, брызгая слюной. — Сказали же — отойти! Давай, топай! — и он толкнул меня плечом, пропихивая к арке.

— Ладно, пошли, — согласился я, понимая, что выбора нет.

Двор встретил тенью и запахом мусорных баков. Старший развернулся ко мне лицом, подручные встали по бокам.

— Ты из десятой школы?

— Да.

— Ваську Шныря из одиннадцатого «В» знаешь?

— Нет.

— Ясно... Короче, Шнырь на нары присел. Надо бы подсобить пацану. Деньги есть?

— Нет, денег нет, — я пожал плечами. В карманах и правда было пусто.

— Пиздишь, — осклабился тот, что слева. — Ща проверим. Попрыгай.

Старший нетерпеливо покрутил пальцем.

Я запрыгал. Тишина. В карманах брюк — пусто. Только рукава школьного пиджака задирались вверх, обнажая запястья.

— Парни, часы! — взвизгнул правый, вцепляясь в мой рукав.

Старший тут же среагировал, перехватив мою руку цепко и больно. Его пальцы уже ковыряли застёжку металлического браслета.

— «Casio», — выдохнул он с восторгом, каким находят неожиданный трофей.

— Нельзя! Это отцовские! Я их на день только взял... — я дёрнулся, но второй держал локоть мёртвой хваткой.

— Да расслабься, гляну и отдам, — старший рванул браслет, и металл щёлкнул, расстёгиваясь.

Секунда — и часы лежали на его грязной ладони.

— Всё, хватит. Отдайте, пожалуйста... Меня же убьют дома.

— Всё, пацан. Вали отсюда, пока пизды не получил, — старший спрятал часы в карман ветровки, даже не глядя на меня.

— А часы... Что я скажу-то?

— Скажешь — потерял. Пиздуй, я сказал. Быстро!

Левый, не дожидаясь команды, смачно приложился ногой мне по заднице.

— Пиздуй, пока цел!

Я развернулся и пошёл к выходу из двора. Шаг, другой. Горло сдавило. В глазах защипало, и первая слеза скатилась по щеке, пока я выбирался на освещённый солнцем тротуар.

За спиной послышался короткий смех и звук сплюнутой на асфальт слюны.

Домой идти не хотелось. Совсем.

Я шёл и смотрел под ноги.

Что делать? Рассказать родителям? Только хуже будет. Если они придут в школу разбираться, я стану стукачом — и тогда изгой до конца учёбы. Даже те пацаны в классе, кто сам нигде не гуляет, и те не примут. А друзья тех, кого я сдам, могут завтра же прибить в каком-нибудь дворе по дороге домой.

Делать нечего. Скажу, что потерял. Это лучший вариант.

«Бык».

Слово свербело в голове, как заноза. Тот, кого можно унижить. Тот, кто не защищён. Тот, с кого можно снять часы, а он будет стоять и молчать, потому что если даст сдачи — завтра придут пятеро.

Я жил на территории КБРовских — их ещё звали Пердунами. А школа была на землях НАТО, вечных врагов СУПа. Две чужие земли. Между ними болтаешься, как фантик в луже. Никто за тебя не вступится, потому что ты — «бык». И спорить с этим никто не будет.

Дома было тихо. Родители ещё не вернулись с работы. Я прошёл в комнату, лёг на кровать, уставился в потолок. На тумбочке лежала книжка про индейцев — «Великий воин». Я взял её, полистал. Книга об отваге, о чести, о том, как ценой жизни отстаивают своё право на свободу.

Я отложил. Читать не хотелось. Мысли возвращались к тому двору, к трём пацанам, к их равнодушным глазам. Они смотрели на меня как на вещь. Как на пустое место.

В пять часов я пошёл на кухню, поел и сел делать уроки. За окном уже смеркалось, но свет зажигать не хотелось. Цифры в тетради расплывались, строчки прыгали перед глазами — я писал на автомате, а в голове всё прокручивалось и прокручивалось: щелчок застёжки, их пальцы на моём запястье, часы на чужой ладони.

Ближе к шести вечера я услышал звук ключа в замке и скрип двери. Пришёл отец.

— Как дела? — спросил он, заглянув в мою комнату.

— Не очень.

— Что случилось?

— Часы потерял, — сказал я, глядя в сторону. Уши горели, и я ненавидел себя за эту глупую раскату.

Отец помолчал. В коридоре горел свет, и его фигура в дверном проёме казалась чёрным силуэтом.

— А я тебе говорил: не бери в школу. Я так и знал! — голос был злым, с тем особым раздражением, когда он уже успел выпить.

Дверь захлопнулась. Через секунду на кухне звякнул стакан.

Я остался в темноте своей комнаты. За окном кто-то кричал, лаяла собака, где-то хлопнула дверь подъезда. Я лежал на кровати, смотрел в потолок и чувствовал, как слово «бык» вьедается в голову, оставляя там ржавый, горький след.

Глава 1. Банды Дзержинска. Законы улиц

Я родился и вырос в Дзержинске — сером, дымном городе, затерянном среди лесов и промзоны. Не просто точка на карте, а крепкий промышленный узел края, где трубы заводов впивались в небо. Триста тысяч человек, прикованных к этим гигантам, будто каторжники. Утром серые потоки людей стекались к проходным, вечером растекались по обшарпанным дворам. Воздух густой, с привкусом химии, будто сам город медленно окисляется, как брошенный в болото гвоздь. До столицы Волго-Вятского края, Нижнего Новгорода, рукой подать. Километров двадцать.

И здесь все триста тысяч душ знали: жизнь — это борьба. Борьба за место, за глоток воздуха, за право быть сильнее. Особенно ярко этот закон проявился в девяностые. Страна рухнула, оставив пустоту, которую тут же заполнили те, кто не боялся крови.

Телевизоры захлестнула волна бандитской романтики — «Бригада», «Бандитский Петербург»... Но для нас, дзержинских пацанов, это была не выдумка. Это была реальность, в которой мы жили. Улицы Дзержинска стали ареной, где молодые и голодные парни мерялись силами, а слабые бесследно исчезали в подворотнях. Ветер гулял по пустырям, разнося шепот: «Кто смел — тот и съел».

Мы, выросшие среди обшарпанных подъездов и ржавых гаражей, жадно впитывали эту криминальную романтику, струившуюся с экранов. Грезились не просто деньги — власть. Власть над улицами, над людьми, над собственной нищей судьбой.

Красивые девушки в норковых шубах, машины с тонированными стёклами, рестораны, где официанты кланяются в пояс... Всё казалось таким близким. Достаточно было одного решительного шага, одного разговора по-мужски в тёмном переулке, одного нажатия курка.

А смерть? Когда ты молод, смерть — абстракция, призрачная тень за горизонтом. Сегодня ты пьёшь шампанское из хрусталя, сегодня тебя боятся, сегодня ты — царь. А завтра... Кто в молодости думает о завтра? Лучше год прожить тигром, чем всю жизнь — дворовой шавкой. Такова была эпоха. Такова была наша молодость — жёсткая, как дзержинский асфальт, и беспощадная, как зимний ветер с Волги.

В те годы город был поделён между несколькими группировками, ставшими главными игроками на этой шахматной доске:

«Свердловские» (Дышлята) — хозяева пролетарской твердыни. Их вотчина — проспект Свердлова и прилегающие улицы. Царство обнищавших рабочих, люмпенов и отчаянных пацанов, для которых улица стала законом. Здесь стоял градообразующий оборонный завод, чьи цеха, некогда гордость страны, теперь дышали ржавчиной и безнадёгой. «Свердловские» не просто правили — они были плотью от плоти этого места. Их методы — простота и беспощадность.

Их заклятыми врагами были «Микрорайоновские» — Китай город. Западная окраина Дзержинска. Их ближайшее соседство и определило вражду между ними.

«НАТО» — это не аббревиатура по названию группировок или названию улиц, просто так назывались, чтобы подчеркнуть свою силу.

В её состав входили пять группировок — Столовка, Будяга, Тринадцатый, Водозаборка, Новая Правда. Их земли — два мира: новый микрорайон с девятиэтажками и новенькими машинами в западной части города, и ветхие домишки с застывшим временем на востоке. «НАТО» балансировали между этими территориями и частенько враждовали с СУПовскими.

«СУП» — старые тени центра. В «СУП» входили три группировки — Староправдинские, Урицкие, Побединские — три улицы, сплетённые в тугой узел в сердце города. Здесь время текло медленнее: старые дома, узкие переулки в полумраке. Территория традиций, где уважали умение держать слово больше, чем голую силу. Но за патриархальным фасадом скрывалась

железная хватка. «СУПовцы» не бросались в драку первыми, но если уж вступали — бились до конца. Их боялись за холодный расчёт и умение бить точно в цель.

Прямой противоположностью по духу были «КБР». Их часто называли — «Пердуны». В этот альянс входили три группировки Колхозник, Борцы, Ресторан — три улицы в самом центре города. Почему за ними закрепилось прозвище «Пердуны» я честно не знаю.

«ОПУС» — аббревиатура по названию улиц, входивших в альянс — Октябрьские, Поповские, Универсамовские, Строиловские. Располагались в южной части города преимущественно у реки Ока и в центре.

Были ещё маленькие, но гордые, как Маркошата или Коробка, которые хоть и пользовались уважением, но довольствовались властью внутри созданных ими анклавов.

Эти группировки были не просто сборищами пацанов, а стройными, почти военными структурами со своей четкой иерархией, законами, рангами и ритуалами. Попастъ в их ряды мог любой паренёк от тринадцати с подконтрольной территории. Но подъем по иерархии требовал не желания — крови, преданности и готовности умереть за своих.

Путь вверх начинался со дна — статуса «Микроогурца». Самые младшие члены группировки в возрасте 10-12 лет. В битвах не участвовали, а выполняли роль «скаутов» и готовили оружие для предстоящих сражений.

Далее — «Огурцы». Зеленый новобранец. Его обязанности суровы: дважды в неделю — обязательные «сборы» (на пустырях, в гаражах, на «коробках»), где отмечали явку и разбирали отсутствующих; регулярный взнос в «общак»; участие в «базарах» — разборках на передовой, часто с ржавой арматурой вместо оружия. Отступление от правил — пропуск, неуплата, трусость — каралось быстро и жестоко.

Следующая ступень — «Микроны». Сбросить клеймо «зелёного», доказать, что ты не расходный материал, можно было лишь испытаниями: проявить бесстрашие в схватке с превосходящим врагом; расширить влияние, приведя минимум троих новых; доказать абсолютную надежность, ставя общее выше личного. Нарушение доверия, особенно трусость или побег, каралось жестоким избиением, часто означавшим изгнание. «Микроны» имели чуть больше свободы, но до авторитета было далеко.

Значительный шаг вверх — «Малолетки». Уличные младшие командиры. Сюда — лишь по крови, доказавшие преданность в боях не раз. Освобождались от «сборов», но обязаны были быть в первых рядах в серьезном конфликте. Не платили в «общак», но получали из него помощь. Их слово имело вес: могли разнимать драки младших, вершить суд над провинившимися. Но и ответственность была серьезней: «Малолетку»-труса или предателя ждала беспощадная расправа и изгнание.

Костяк и оперативное ядро любой группировки — «Старшие». Уже не мальчишки, но еще не «воры в законе». Парни за двадцать, часто с зоной за плечами, знавшие цену слову и крови. Именно они: вели переговоры на «стрелках», пытались замять конфликт до «базара»; контролировали внутренний порядок, не допуская беспричинных грабежей и бузы среди младших; распределяли средства «общака» — кому передача в зону, кому помощь после больницы. Их авторитет признавали враги. Убийство «Старшего» означало войну на уничтожение.

На вершине пирамиды власти — «Старики». Фигуры почти мифические, редко появлявшиеся на «сборах». Держали под окончательным контролем финансы «общака»: взятки ментам, помощь «сидельцам». Общались исключительно со «Старшими», через них передавая приказы и вынося окончательные вердикты. Их сила — в связях криминального мира, где слово порой значило больше пули. Решения — окончательны и обсуждению не подлежали.

Так и текла жизнь в этой параллельной реальности — от «сбора» к «сбору», от разборки к разборке. Пути расходились: одни поднимались, другие ломались и исчезали. Кто-то погибал в драках, кто-то садился надолго, кому-то везло выжить и стать «Старшим». Над всем царил непреложный закон: предательство «своих» означало изгнание. Без исключений.

Была в тех годах своя, жестокая справедливость: большинство жило одинаково бедно. Деньги — лишь у бандитов да спекулянтов, да и те жили с оглядкой, зная: сегодня в шоколаде, завтра — в земле. Мир мерился другими ценностями: Отвага — не струсить против десятка. Мужество — не сдать своих, даже под пыткой. Уважение — не купить, не выпросить, только заслужить.

И девчонки любили не за кошелёк, а за характер. За то, как парень держится в драке, как смотрит в глаза, как говорит — жёстко, без лишних слов.

Время было такое: любое утро могло стать последним. Могли посадить, могли убить в драке. И от этого чувства горели ярче. Не было зависти — у всех было одинаково: одна пара джинсов на три года, кроссовки, переклеенные «Моментом», бутылка «Рояля» на всех — и то праздник.

Вопреки мнению, дзержинские группировки не были чисто криминальными образованиями. Среди членов — отчаянные парни из рабочих кварталов, где деньги считали по копейкам. Но нередко к группировке примыкали и те, кто рос в достатке, чьи родители были инженерами на заводах. Однако социальные границы стирались во дворе. Здесь главным было не богатство, а умение постоять за себя и «своих». Группировка же давала защиту. Чем больше людей в составе — тем крепче репутация. Одиночек — презирали. Их клеймили «Быками» — позорное имя труса, неспособного жить по уличным законам. До пятнадцати нейтралитет прощался, потом наступал выбор: либо ты с «улицей», либо против неё.

Выбор был двояким.

Первый путь — отказ. Жизнь «Быка» безопаснее, но унижительнее. Максимум — отберут деньги, дадут подзатыльник, обзовут. Слухи о жестоких унижениях строптивых ходили, но лично я такого не видел. Зато видел, как над ними смеялись, толкали. Они оставались живы, но теряли уважение навсегда.

Второй путь — вступление. Это не просто гулять с пацанами, это принять их законы. Держать слово — и подтверждать его кулаками. Отвечать не только за себя, но и за улицу. Если бьют «твоего» — обязан мстить. Так и начинались «базары» — уличные войны «стенка» на «стенку».

Итак, выбор был прост: «Бык» — трус, но живой. Или «свой» — крутой, но с риском оказаться в реанимации или в гробу.

А что выбрали бы вы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.